

ИМЯ И ФУНКЦИИ ПЕРСОНАЖА УАЗÆГ (ГОСТЬ) В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН

Ф.О. АБАЕВА

Персонаж *уазæг* — одна из знаковых фигур, принимающая участие в традиционном свадебном церемониале осетин.

Фигура как бы незаметная, второстепенный персонаж, не принимающий непосредственного участия в обрядах, связанных со свадьбой, он становится очевидцем следующих *центральных* брачных актов, в которых функция гостя сводится к тому, чтобы освидетельствовать очередную свершившийся свадебный ритуал: *чындз æрзилын кæнын артдæсты алыварс обведение невесты вокруг очага; чызг Бынаты Хицауыл бафæдзæхсын прощание девушки с покровителем отчего дома; ног чындз усгуры хæдзары Бынаты Хицауыл бафæдзæхсын посвящение невесты домашнему покровителю в доме жениха; чындзы хыз исæны фæтк обряд снятия кисеи невесты; чындз хистæртæм бакæныны фæтк подведение невесты к старшим; чындзы хæлын кæри халыны фæтк* (букв. *развязывание нательного кожаного корсета невесты*) *обряд primaе noctis* (первой брачной ночи). Рассматриваемый персонаж выполняет во всех этих церемониях роль «утверждающего», «закрепляющего», поскольку его действия (молитвословие, благопожелание, пение, танец) всегда завершают ритуал, как бы закрепляя его.

Уазæг гость, согласно мировоззрению осетин, тот персонаж, который определяет судьбу того, к кому он пришел, тот, кто способен влиять на все сферы жизни семьи хозяина, в частности на брак и дальнейшую жизнь молодой семьи, свидетелем чего он становится.

Персонаж *уазæг*, по вере осетин, может принести на свадебное торжество как добрую волю, выраженную в произнесенных им молитвословиях, благопожеланиях, формулах благодарности и приветствий в процедуре одаривания, так и негатив в злопожеланиях.

Лексема *уазæг* в осетинском языке имеет значение «гость», употребляется как в контексте обряда, так и в повседневной бытовой жизни. Использование общеупотребительной лексики является одним из продуктивных способов номинации персонажей и обогащения обрядовой свадебной терминологической лексики.

Термин *уазæг* (*уазджытæ*) общий для всех гостей, пришедших на торжество. Персонаж *уазæг* входит главным образом в систему участников собственно свадебного обрядового текста осетин, хотя термин, обозначающий его, применяется и в предсвадебном контексте, поскольку словом *уазджытæ*, букв. гости, часто обозначают сватов. Наглядным примером, актуализации термина *уазджытæ гости* (в значении «сваты») служит вербальный код предсвадебного обрядового текста осетин. Прежде, чем войти в дом семьи сватаемой девушки, сваты обращались к их ближайшим соседям, с просьбой узнать, готовы ли их принять. Так, сосед спрашивал отца девушки: *Мæнæ уæм уазджытæ æрбацыдысты, бар сын дæттут бацæуын? — Вот, пришли к вам гости, разрешаете ли им войти?* После того, как семья девушки давала разрешение войти к ним, вместе с соседом сваты входили в дом. В после-

свадебном обрядовом тексте лексемой *уазджытæ* именуются *хуындзæуттæ* посланцы с подарками и приданым со стороны невесты. Вышеприведенный материал дает нам основание полагать, что термин *уазджытæ* наделяется элементами инициации.

Прослеживается параллелизм понятий «свадебный гость» и «званный гость». Вариация термина: *хуынд адæм* «приглашенные люди» — *æрцæуæг адæм* — термин противоположный свадебному, употребляется в похоронно-поминальной обрядности осетин, букв. «пришедшие люди» (т.е. без приглашения). Глагольная терминообразующая основа *хонын* «приглашать» оправдывает семантику собирательного персонажа: *свадебные гости* = *приглашенные люди*. Известно, что у осетин прийти без приглашения на свадебное торжество-молитву *чындзæхсæвы куывд* (букв. *свадебный пир-молитва*), было не к чести пришедшего. По словам наших информантов, в прошлом о свадьбе сообщали заранее на собраниях старейшин и объявляли о событии *хабар* всему селу. В связи этим существует следующее высказывание-термин в контексте обрядового свадебного текста осетин: *хабар фæхъусын кæнын*, букв. «огласить новость», «сообщить о событии», причем семантика слова *хабар* в данном контексте становится равнозначной значению «свадьба» и имеет положительную коннотацию.

Различают гендерно гостя, пришедшего на свадьбу — проводы девушки, и гостя, пришедшего на свадьбу в дом жениха, на встречу с невестой. Выражен этот гендерный принцип в терминологии: *чызгæрвысты уазджытæ* (букв. гости на празднестве по случаю отправления дочери замуж) и *чындзхасты уазджытæ* (букв. гости на празднестве по случаю привода невесты в дом

жениха). Доминирующими в приведенных терминах являются слова *чызгæрвыст* и *чындзхаст*, которые стоят в грамматической форме родительного падежа и выражают семантику «отношение» [1, 150]. Обрядовый текст невесты (F-текст) и обрядовый текст жениха (M-текст) также становятся определяющими в поляризации этих терминов, где *чызгæрвысты уазджытæ* — это F-текст, а *чындзхасты уазджытæ* — это M-текст.

Предполагается, что этимологическое рассмотрение проблемы даст нам возможность установить исконную семантику анализируемого материала. Так, лексема *уазæг* «восходит к *wi-wāzaka- от *waz-* «быть в движении», «ехать», буквально «путник», «приезжий». Глагол *waz-* в данном значении в осетинском не сохранился, но хорошо представлен в родственных языках» [2, 61]. В данном случае этимологию дополняют историко-этнографические факты о широко развитом у осетин институте *гостеприимства уазæгуарзондзинады æгъдау*, который предполагал безоговорочное размещение в *уазæгдон кунацкой* (гостевое жилище. — Абаева) любого путника, т.е. гостя, пришедшего или приехавшего издалека, и обращение с ним согласно этикету по принципу глубокого почета.

На осетинской свадьбе в состав официальных гостей со стороны жениха входит *кæстæр уазæг* «младший гость» [3, 11], его также называют еще *хъæмпхор уазæг* и *къæмхор уазæг*. В настоящее время у осетин уже нет ясного представления о функциях и задачах этого официального лица. *Кæстæр уазæг* младший гость, который просто сопровождал остальных гостей и обслуживал их. Интересны по своей конструкции и содержанию два других названия: *къæмхор уазæг*, *хъæмпхор*

уазæг. Слово *къæм* в осетинском языке означает «волосок», а *хъæмп* «солома», «сено», т.е. *хъæмпхор* — букв. «едящий солому, сено». Рассмотрим отношение значения «соломоедящий» к младшему гостю. По сообщению информантов, в старину жених после *свадебного сговора фидыд* обязан был пригнать в дом невесты несколько голов крупного и мелкого рогатого скота, а также принести определенное количество араки и съестных припасов. Все это должно было быть доставлено в дом невесты в канун свадьбы и служило определенным вкладом в устройство свадебного торжества в доме невесты. Если невеста жила далеко, то снаряжали в путь несколько человек. Они и доставляли по назначению и скот, и араку. В дорогу их снабжали кормом для скота — *хъæмп*. Всю эту церемонию возглавлял младший гость, который, соответственно, и получил название *хъæмпхор уазæг* «гость, едящий солому», т.е. руководящий доставкой скота [4, 158]. Связанный с соломой свадебный мотив плодородия значителен: солома понимается как жатвенный символ, сочетающий понятие урожая.

Анализируемая реалья обрядового свадебного текста осетин, по нашему мнению, имеет непосредственную связь с такой проблемой, как соотношение «институтов гостеприимства и взаимопомощи, благодаря которым люди из одного племени находят прием в качестве гостя в другом племени и между отдельными коллективами заключаются союзы и производится обмен» [5, 83]. В традиции осетин мы также обнаруживаем подобную связь: *уазæг* ↔ *фысым* — гость ↔ хозяин.

Согласно осетинскому свадебному этикету, гостя, пришедшего на свадебный пир, непременно нужно было усадить за стол и проследить, чтобы он

остался доволен угощением и тем, как его принимали. Это, конечно же, связано с институтом гостеприимства и связанным с ним институтом обмена: «институт обмена в древних обществах делает понятным и обычаи, связанные с «гостеприимством» и «угощением». Это тоже своеобразный обмен между «хозяином» и «гостем», которые могут меняться ролями [6, 754].

Антонимические параллели, проведенные при анализе лексики *института гостеприимства осетин уазæг-арзондзинады æгъдау*, установили некую взаимосвязь и взаимозависимость друг с другом, поскольку актуальными они могут быть в употреблении лишь вместе. Так, слово *фысым* со значением «принимающий гостя» «хозяин», как можно заметить, при его переводе на русский язык требует использования слова *гость*, а уже при актуализации его подразумевает слово-антоним *уазæг* с семантикой «гость» (нами установлено, что это характерно именно для осетинской картины мира).

Среди многочисленных функций персонажа *уазæг* есть одна, которая, на наш взгляд, имеет особое значение в ряду остальных — это роль *увеселителя* на празднестве в честь брачного союза. Гости поют свадебные песни, организуют и принимают участие в *хъæзт'е* (танцы). Одновременно рассматриваемому персонажу присуща, на наш взгляд, и жреческая функция: *уазæг* произносит молитвословия, таким образом приравниваясь к волхву; он выражает благопожелания в адрес невесты, жениха, их союза, причем считается, что чем больше их произнесут гости, прибывшие издалека, тем действеннее окажутся их пожелания добра.

Интересно, по нашему мнению, замечание выдающегося лингвиста Эмиля Бенвениста: «в современном персид-

ском языке есть другое наименование гостя: *ĕrtān*, древняя форма которого засвидетельствована в виде *argutan* «близкий друг»; это слово хорошо известно в индоиранских языках» [5, 82]. Затем ученый приводит осетинское слово *litan* «друг» и утверждает, что дружеские связи между семьями и племенами заново определяются в каждом языке параллельно с устойчивостью или изменчивостью соответствующей терминологии [5, 83]. Хотя в настоящее время на лексико-семантическом уровне четкая синонимическая связь между словами *лымæн* и *уазæг* утратилась, в социальной жизни осетин тождество этих понятий сохранилось. Лексема *уазæг*, как и слово *лымæн*, в целом имеет положительную коннотацию и не выражает негативной семантики «враг», «чужеземец», «чужеродец». Для этих понятий в осетинском языке существуют слова: *знаг*, *æцæгæлон*, *æндæрбæстаг*.

Помимо гендерного принципа дифференциации терминов с основой *уазæг*, есть также разделение по возрастному признаку. Так, в обрядовом свадебном тексте осетин существуют понятия *хистæр уазæг*, букв. «старший гость» и *кастæр уазæг*, букв. «младший гость».

Важно также отметить, что концепт *уазæг гость* связан с концептом *хæдзар дом*. Причем, подобная корреляция, на наш взгляд, имеет центральное значение при анализе рассматриваемого материала, поскольку именно при пересечении локуса (*къæсæр порог*, *хæдзар дом*) становятся существенными понятия *фысым хозяин* и *уазæг гость*.

В продолжение развиваемой темы необходимо отметить лексико-семантическую дифференциацию, демонстрирующую *положительную возвышенную* семантику лексемы *уазæг* в сравнении ее со словами, обозначающими *чуже-*

земца, *чужеродца* — *æцæгæлон* и *æндæрбæстаг*, имеющими *негативную низменную* семантическую окраску. Примечательно и то, что употребление в обрядовом свадебном тексте осетин слов *æцæгæлон* и *æндæрбæстаг* совершенно нехарактерно, поскольку свадьба — это «возвышенное» в сознании осетин, которое несопоставимо с применением низменной лексики.

В осетинской свадебной картине мира *уазæг* — это участник обрядовых актов, объединяющий две сферы — «свою» и «чужую». Гость *уазæг* в контексте свадебной обрядности осетин сакрализуется, становясь объектом почитания, но при всем этом, остается в то же время представителем иного, чужого мира.

Определение значения рассматриваемого персонажа в свадебной обрядности осетин привело нас к этимологии синонимичного слова *кунак*, являющегося специфичным для кавказского языкового пространства. Так, лексема *кунак* происходит из «тур., кыпч., чагат., казах. *konak* «гость», тат. *kunak* [7, 536]. В осетинском языке это понятие обозначается словом *хъан* со значением «подопечный». Очевидно, что слово происходит от тюркского *хан*.

Слова *уазæг* и *хъан* в обрядовом свадебном тексте находятся на одном уровне, что подтверждается и этнографическими фактами. Жених, согласно обычаю, не должен был находиться в своем доме на свадьбе и несколько дней после нее, поэтому он останавливался у одного из своих товарищей, обычно это был *дом дружки кхъухылхæцæджы хæдзар*, где он был на положении *хъан*'а, а семья, принимавшая его — на положении *фысым*'а.

Уазæг — гость — обрядовое лицо, одна из функций которого и, на наш взгляд, основная, — *соединить, скре-*

нить и закрепить изначально противоположные стороны (род жениха и род невесты). Семантические обрядовые функции персонажа *уазæг* заключаются в том, чтобы освидетельствовать заключенный союз двух фамилий, символические же функции указанного участника обрядового свадебного текста осетин — маркировать свершившийся брак, приобщившись к счастью молодой семьи (ритуальная пища, небольшие подарки от невесты, смесь масла с медом и т.д.). Одним словом, *уазæг* — это свидетель.

Особым почетом на свадьбе надеялись гости в лице старших женщин *хистæртæ сылгоймагтæй*. Их функция как свидетелей заключалась в том, чтобы осмотреть сафьяновый корсет невесты, который развязывал жених во время первой брачной ночи, и засвидетельствовать, что шнурки на корсете не были разрезаны и разорваны, а аккуратно развязаны.

В оппозиционных связях *уазæг* — *фысым* субъектные отношения «гость — хозяин» выражаются лексемами *доместической* сферы и соотносятся с понятием *хæдзар* дом, но в контексте свадебной обрядности осетин они уже приобретают мифолого-ритуальное значение, близкое к концепту *чындзæхсæв* свадьба, и становятся лексемами обрядовой сферы.

Другая, не менее значительная, функция гостя на свадьбе — функция помощника. В обязанности гостя в прошлом входило приношение на свадебное торжество-молитву кур, яиц или готовой яичницы, иногда баранов. Наличие кур и яиц было особенностью именно свадебного стола. Курица имела большое значение, уходящее в веру в симпатическую магию: качества курицы-наседки (мотив плодovitости) вскоре должны были перейти и на невесту.

Особенно важна в обрядовом свадебном тексте осетин фигура *хистæр уазæг старший гость*, который «открывал» *чындзæхсæвы куывд*, букв. свадебный пир-молитва. Моментом начала свадебных торжеств является произнесение им молитвословия.

В обрядовом тексте осетинской свадьбы поезжане на *малой свадьбе* *гыццыл чындзæхсæв* (обряд отправления дочери *чызгæрвысты фæтк*) именуются словом *уазджытæ*. После приглашения поезжан к столу старший со стороны жениха произносит *молитвословие* *фысымты хистæры ракуывд* (букв. молитвословие старшего от принимающей стороны), которое знаменует открытие свадебного торжества. Приведем пример такого молитвословия: *Нæ буцгæнинаг уазджытæ, уæ æрбацыд Стыр Хуыцауы зæрдæмæ фæцæуæд æмæ уæ йæ хорзæх уæд! Абон Абайтæ æмæ Дзугатæ цумæ цы хъуыддагыл цин кæныны, уый Дунескæнæг Хуыцау рæстмæ фæкæнæд! Сымах та нæм æгас цæут æмæ Хуыцауы уазæг ут! Наши уважаемые гости, пусть ваш приход понравится Большому Богу и снизойдет на вас его милость! Пусть Всевышний благословит радостное событие, которое сегодня у фамилий Абаевых и Дзугаевых! А вы проходите к нам, и будьте гостями Всевышнего! Молитвословие посвящено гостям, которые сравниваются с Божьими гостями Хуыцауы уазæг. Эпитет *буцгæнинаг*, определяющий гостей и переведенный нами как «уважаемые», в букв. значении употребляется как «те, кого следует лелеять». В молитвословии испрашивается благословение прихода гостей у Всевышнего. Данное молитвословие приравнивается к благопожеланию, так как в нем прослеживается мотив пожелания некоего блага, а также, чтобы дело сделалось прямым *рæстмæ фæкæнæд* (счастливым). В этот момент*

к нему подходят *шафер къухылхæцæг* и кум *æмдзуарджын*, берут три пирога *æртæ чъирийы*, плечевую кость *базыг*, кусок *шашилыка* *физонæджы карст* и относят их жениху *сиахсмæ ацаходынмæ ахæссын*, букв. дать отвесть ритуальной пищи жениху, который дожидается за воротами, чтобы дать ему отвесть молитвенной пищи (мотив соединения / объединения) [8, 81]. С невестой тоже производят подобное действие *чындзæн ацаходын кæнын*, букв. дать отвесть ритуальной пищи невесте, (при выводе из спальни после того, как ее нарядили в свадебный костюм), что символизирует ее прямую (счастливую) дорогу в дом жениха.

За этими действиями следует ответное совершение *молитвословия старшим со стороны поезжан* (старшим сватом) *уазджыты хистæры ракуывд*.

Таким образом, подобными взаимными актами и начинались дальнейшие свадебные ритуалы, из чего вытекает маркирующая функция (обозначение момента начала свадебных действий) персонажа *уазæг*.

В свете изучаемой проблемы мы не можем обойти вниманием такой персонаж, как *цыты уазæг*, букв. *гость почта*. Упоминание о нем мы находим у В.И. Абаева, который пишет, что *цыты уазæг* сопровождал невесту в дом жениха [9, 61].

Информаторы же, разъясняя функции данного персонажа, упоминали о том, что он не просто со стороны невесты сопровождал невесту в дом жениха. Такой персонаж присутствовал лишь в особых случаях, к примеру, если девушку выдавали в счет своеобразной платы за кровь убитого человека одним из членов ее семьи. Очевидно, что термин *цыты уазæг* непосредственно связан с понятием *цыты чызг*, букв. девушка почта, т.е. дочь,

сестра, выдаваемая из семьи убийцы одному из членов семьи убитого с условием не назначения выкупа и с богатым приданым. В прошлом, по словам информантов, это был один из распространенных и эффективных способов примирения кровных врагов. По этой причине мы также можем утверждать, опираясь на лингвистический (этимологический) материал, что персонаж *кады уазæг* гость чести не является синонимичным персонажу *цыты уазæг*. Обрядовые термины *кады уазæг* и *цыты уазæг* в настоящее время относятся к архаичным понятиям. Порою они семантически равнозначны; ср. упоминание о свадебном персонаже *кады уазæг* (*цыты уазæг*) в Нартовском эпосе осетин в сказании «Сæхуыгы чындзæхсæв» «Свадьба Шахуга»:

«Нартæ загътой:

— *Къухылхæцæг* — *Уастырджы*,
æмдзуарджын — *Донбеттыр*.

— *Уæдæ Уырызмæг уæд хистæр уазæг*,

Хæмыц — *нымæттухæг*,

Созырыхъо — *кады уазæг*, *Ацæмæз* — *кæстæр уазæг...*» [10, 449].

Сказали нарты:

— Дружка — *Уастырджы*,
кум — *Донбеттыр*.

— А Уырмаг пусть будет старшим гостем,

Хамыц — заворачивающим приданое,

Созырыко — *гость почта*, Ацамаз — младший гость... (перевод наш. — А.Ф.).

Персонаж *цыты уазæг*, по сообщению наших информантов, изначально имелся и в свите жениха, приезжавшей за невестой, т.е. был в числе поезжан. Это, как правило, был старший мужчина, в предсвадебном цикле обозначав-

шийся как *хистæр минæвар старший сват*.

Семантику и происхождение номинаций *цыты уазæг* и *цыты чызг*, равно как функции и значение обрядовых лиц, ими обозначаемых, следует начать рассматривать, на наш взгляд, со смыслообразующей лексемы *цыт почет, уважение*. В.И. Абаев в ИЭСОЯ указывает на совпадение лексемы *цыт* с основами на иранской почве: «... ав. *čīdā* «воздаяние», «наказание»; ср. др.-инд. *čiti* «воздаяние» [11, 327].

Хотя понятия *цыты уазæг* и *цыты чызг* соотносятся с их терминообразующей лексемой *цыт* в ее значении «почет» и переводятся как «гость почета» и «девушка почета», в то же самое время первоначальная их семантика обращает нас к жертве, воздаянию. По нашему мнению, разумно было бы перевести эти понятия как «гость воздаяния» и «девушка воздаяния», которые в полной мере реализуют свое значение в обрядовом свадебном тексте, одновременно имея отношение и к институту кровной мести осетин.

С лексемой *цыт* в обрядовом свадебном тексте осетин встречаются также такие понятия, как *цыты лæвар*, букв. подарок чести, и синонимичный ему термин *кады лæвар*; *цыты нуазæн*, букв. бокал почета, или кубок чести, и синонимичные ему понятия *кады нуазæн* и *уазæджы нуазæн*, букв. бокал гостя; *уазæггаг*, букв. бокал гостя.

Значимую роль в исследовании данной проблемы играют понятия *цыты нуазæн*, *кады нуазæн*, *уазæджы нуазæн* и *уазæггаг*. Понятия эти синонимичны и имеют значения «бокал почета», «кубок чести», «бокал чести», «бокал уважения», «почетный бокал», «сосуд почета». В.С. Уарзиати установил, что обычай подавать бокал почета «в быту осетин имеет многовековую традицию

и восходит к скифскому быту. Впервые о нем упомянул отец истории Геродот, описав обычай почетного бокала у скифов. Этот сюжет многокрасочно представлен и в осетинских нартовских сказаниях о волшебной чаше «Уацамонгæ» [12, 83-84]. Так, продолжая мысли Уарзиати о сходстве *кады нуазæн* с волшебной чашей, полноценный перевод данной обрядовой реалии был бы следующим: «чаша почета» или «чаша уважения».

В ряде слов с основой *уазæг* представлена также номинация *чындзуазджытæ*, обозначающая группы молодых людей (юношей и парней), приехавших на свадьбу вместе с невестой, со стороны невесты, и обрядовый термин персонажного кода *уазджыты хистæр старший среди гостей*, приехавших за невестой.

Кады уазæг гость почета как отдельный свадебный чин выделился, на наш взгляд, в связи с патриархальными традиционными устоями. В обрядовом свадебном тексте осетин данный персонаж, возможно, играл роль **заместителя** отца жениха (*усгуры фыд*), участие которого, как и участие отца невесты (*чындзы фыд*), практически было сведено лишь к принятию гостей на свадебном торжестве.

Чындз невеста в контексте свадебного церемониала тоже приравнивается к персонажу *гость* до обряда снятия фаты, ведь не случайно ее подводили именно к *западному углу* жилища, где она должна была стоять: запад — это «царство изгнания, «колодец отчуждения», по выражению арабских мистиков, это «мир мертвых» [13, 139].

Фразеологический материал, связанный с концептом «*уазæг*», рассматривается нами применительно к обрядовому свадебному тексту.

Из пословиц, связанных с тематикой «гость», исходит, какое значение имел гость в сознании осетин: *уазæг Хуыцауы уазæг — гость есть Божий гость; хæдзармæ бæркад уазæг хæссы — изобилие дому гость несет; уазæгæн — уазæджы бынат — гостю — место гостя; уазæгæн — хистæры кад — гостю — уважение старшего; уазæгæн — хистæры бынат — гостю — место старшего; уазæгæн — уазæджы хуыссæн гостю — постель, ложе гостя; уазæгæн — уазæджы нымад гостю — уважение гостя; хæдзары уазæг — сыхбæсты уазæг гость дома — гость для всей улицы; сыхбæсты уазæг — хъæубæсты уазæг гость улицы — гость для всего села; хъæубæсты уазæг — комбæсты уазæг гость села — гость для всего ущелья; уазæг — бинонты амонд гость — счастье для семьи; уазæг кадыл даринаг у гостя в почете надо держать.*

С лексемой *уазæг* в обрядовом свадебном тексте осетин имеют место следующие термины: *уазæг, уазджытæ, хистæр уазæг, кæстæр уазæг, кады уазæг, чындзуазджытæ, чызгæрвысты уазджытæ, чындзхасты уазджытæ,*

уазæгдон, хъæмпхор (къæмхор) уазæг, цыты уазæг, кады уазæг, уазæджы нуазæн, уазæггаг, уазæджы лæвар, уазджыты хистæр, чындзхон уазæг, чындзхон уазджытæ.

Итак, лиминальная характеристика свадебного обряда предполагает изменения в статусе его участников.

Обрядовый свадебный текст осетин утверждает собственно само переходное состояние.

На наш взгляд, материал исследования выявил основные обрядовые функции персонажа *уазæг*: во-первых, он — свидетель (соучастник) объединения двух родов (*мыггаг*), и это его главная обрядовая функция на свадьбе; во-вторых, *уазæг* гость — помощник в устройении свадебных торжеств; в-третьих, он — маркирующий персонаж. Перечисленное способствует выделению данного персонажа в особый свадебный чин и подтверждает положение, что терминологизации подвергаются лишь те лица, которые выполняют в обряде ритуально значимые действия и играют наиболее важные роли в сакральном свершении дела.

1. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Орджоникидзе, 1969. Ч. 1.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.
3. Газданова В.С. Традиционная осетинская свадьба: миф, ритуалы и символы. Владикавказ, 2003.
4. Битарти З.А. О некоторых словах и словосочетаниях, отражающих родственные отношения в осетинском языке // Изв. Юго-Осетинского науч.-иссл. ин-та. Цхинвали, 1976. Вып. 20. С. 157-162.
5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Общ.ред и вступ. ст. Ю.С. Степанова М., 1995.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2.
7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. 2. Ч. 2.
8. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика). Владикавказ, 2013.

9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.
10. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
11. Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.
12. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2012. Кн. 7.
13. Маковский М.М. Индоевропейская этимология: Предмет — методы — практика. М., 2013.